

И. В. Мелик-Гайказян

ДИАГНОСТИКА MEMORY-TURN, ИЛИ БИОЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОБЛЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Применение концептуальной модели информационно-синергетического подхода для выяснения антропологических причин формирования биоэтики выявило новый поворот философских исследований – *memory-turn*. Совмещение исследовательских позиций – выявление *memory-turn* на основе информационной трактовки механизмов социокультурной динамики (И. В. Мелик-Гайказян) и понимание биоэтики как формы защиты индивидуальности в современной культуре (Т. В. Мещерякова) – позволяет вскрыть противоречие в системе непрерывного профессионального образования между неизбежной стандартизацией индивидуальности и требованиями к личности удовлетворять критериям *creative class*. В статье представлены отдельные результаты выполнения проекта РФФИ № 10–06–00313 «Аттрактивный менеджмент: методологические принципы управления динамикой сложных систем».

Ключевые слова: *memory-turn, общество знаний, креативный класс, образовательные системы, цели образования, биоэтика, индивидуальность, профессиональное воспитание, границы образования, образовательные технологии, образовательное пространство, границы, модели и стадии информационного процесса, диагностика образовательных технологий.*

Диагностика нового поворота философии, обоснование противоречия в сложившейся системе непрерывного профессионального образования и новая трактовка причин формирования биоэтики – все это по отдельности, а тем более вместе является достаточно претенциозным. Если к этому добавить методологические процедуры информационно-синергетического подхода, еще не получившего широкой известности, то обсуждение, предлагаемое в данной статье, рискует быть воспринятым в качестве эпатажа и образца «птичьего языка» философии. Для того чтобы развеять возможное предубеждение и увеличить вероятность прочтения статьи до конца, приведем пример из романа, получившего в 1989 г. Букеровскую премию [1]. Рассуждения героя романа о сути профессиональных качеств иллюстрирует один эпизод. Некий дворецкий «отправился со своим хозяином в Индию и много лет прослужил там, предъявляя к местной прислуге те же высокие требования, которые предъявлял в Англии. Как-то раз он зашел в столовую, вероятно, проверить, все ли накрыто к обеду, и увидел тигра, который вальяжно разлегся под столом. Дворецкий на цыпочках вышел из комнаты, не забыв закрыть дверь, и невозмутимо проследовал в гостиную, где хозяин и гости пили чай. Вежливо кашлянув, он привлек к себе внимание хозяина и прошептал тому на ухо:

– Весьма сожалею, сэръ, но в столовой, кажется, появился тигр. Разрешите применить двенадцатимиллиметровое?

Как гласит легенда, через несколько минут хозяин и гости услышали три ружейных выстрела. Когда по прошествии некоторого времени дворецкий появился в гостиной – обновить в чайниках заварку, – хозяин осведомился, все ли в порядке.

– В полнейшем, благодарю вас, сэръ, – последовал ответ. – Обед будет подан в обычный час, и я рад сообщить, что к этому времени от недавнего происшествия не останется никаких заметных следов» [1, с. 53–54]. В романе сделан вывод о необходимости «сживаться со своим профессиональным лицом, срастаться с ним намертво», потерять которое невозможно из-за внешних обстоятельств, «сколько бы внезапными, тревожными или досадными ни были последние» [1, с. 62].

Если принять во внимание, что должность дворецкого требовала последовательной смены в совершенном овладении несколькими профессиями, а само понятие «должность» предполагало умение находить оригинальные способы решения поставленных задач и во всех обстоятельствах управлять штатом, сравнимым с количеством служащих в большинстве современных организаций, то становится оправданной аналогия траектории приближения к должности дворецкого с траекториями непрерывного профессионального образования, которое по своей протяженности совпадает со временем активной жизни человека. Экзотика приведенной аналогии указывает на проблему вытеснения индивидуальных качеств человека профессиональными качествами. В свою очередь, стандарт профессиональных качеств диктует конъюнктура содержания компетенций, которое складывается под воздействием ситуативных требований рынка труда. Сама система непрерывного образования предоставляет возможность человеку постоянно достигать соответствия вариативным изменениям в содержании профессионализма в избираемой им сфере деятельности. Вместе с тем эта же система в экспресс-действии используемых ею технологий обучения (в отсутствии воспитательной составляющей образования [2]) не остав-

ляет человеку времени для личностной адаптации к изменению своего профессионального облика.

С каждым шагом по пути непрерывного образования «длиною в жизнь» человек одновременно приближается к навязываемому идеалу профессионализма и удаляется от самого себя, становясь слугой бесконечно изменяемой конъюнктуры. Это служение запросам настоящего времени находится в сложном соотношении с требованиями профессионализма в фидуциарных сферах, поддерживающих латентность традиционных образцов в социокультурных системах [3], и с требованиями к людям, входящим в *creative class*, призванный изменять будущее [4]. Обозначенные три группы профессий – сохраняющие традиции прошлого, обеспечивающие требования настоящего и меняющие будущее – нуждаются в технологиях непрерывного образования и заменяют черты индивидуальности «профессиональным лицом». В двух первых группах профессий эта замена скрыта от личности. Технологии непрерывного образования для данных групп профессий имплицитно направлены на такую замену. Имплицитная направленность выражает себя в том, что человек не ставится в известность о потенциалах образовательных технологий, поскольку подразумевается, что приобретение «профессионального лица» является его целью.

Третья группа профессий составляет инновационный потенциал социокультурных систем, ресурсом которого является нестандартность индивидуальных качеств, поэтому совершенствование «профессионального лица» становится делом осознанного выбора, совершаемого личностью при обращении в структуры непрерывного образования. Однако «профессиональное лицо» третьей группы выступает аттрактором для всей системы непрерывного образования, что для первых двух групп приводит к негативным последствиям. Во-первых, притяжение образцами инновационной деятельности разрушает компенсаторные функции той сферы, которая, по выражению А. Дж. Тойнби, призвана хранить «защитный пояс обычая», а необходимость в такой защите прямо пропорциональна темпу инноваций. Во-вторых, существующие стандарты в этих профессиональных группах приводят к абсурдной стандартизации творческих качеств. Оба следствия ведут к противоречию в содержании непрерывного профессионального образования между неизбежной стандартизацией индивидуальности и тотальности требований к личности удовлетворять критериям *creative class*.

Следует подчеркнуть, что обозначенное противоречие создано не системой непрерывного профессионального образования, а отсутствием фиксированных границ применимости технологий этого образования [5].

Исследование проблем образования изначально было областью практического приложения философии, поскольку даже самые частные и конкретные вопросы педагогики восходят к чисто философским проблемам [6]. Самой философии не всегда было свойственно определять границы применимости своих исследований. Обнаружение пределов выразило себя только в XX в. при фиксации так называемых поворотов, что на английском языке обозначают словом «turn». Повороты в первом приближении означают новые стратегические направления философских исследований, вызванные выявлением проблем, беспрецедентных для философской традиции, что заставляло проводить критическую ретроспекцию всей традиции, в которой устанавливались некоторые «проблемы», а их устранение приводило к участию философии в междисциплинарных решениях прикладных задач и всплеску своеобразных дисциплинарных делений философии. По перечисленным признакам происходит регистрация поворотов [7]. Перечень и последовательность легитимных поворотов были приведены В. В. Савчуком [7]: онтологический, лингвистический, иконический, медиальный и антропологический. Это ставит вопрос о взаимосвязи свершившихся философских поворотов с возникновением в условиях «общества знаний» беспрецедентных проблем образования [8–9], по определению входящих в практическую область философии.

Для ответа на этот вопрос обратимся к одной из концептуальных моделей информационно-синергетического подхода. Модель была описана много раз, в том числе и в связи с диагностикой проблем, возникающих в условиях информационного общества и «общества знаний» [10, с. 49–51], а также при установлении аксиологических границ применимости образовательных технологий [11, с. 84–90, 123–130]. Обоснованность обращения к ней связана со следующим.

Во-первых, модель представляет социокультурную систему в целом и систему образования в качестве ее подсистемы как информационную систему, в которой разворачиваются все стадии информационного процесса; генерация информации; кодирование информации, трансляция информации и хранение информации; создание оператора или способа реализации информации; тиражирование; рецепция информации. «Синергетичность» модели выражена в том, что в стадии информационного процесса входит процесс генерации информации, который не включают в себя кибернетические модели, начинающие информационный процесс с «получения данных». Каждая из перечисленных стадий выражена в модели отдельным блоком, репрезентирующим один из элементов се-

миотического механизма культуры [12], соответственно, «культура как „устройство“, вырабатывающее информацию»; «кодирование с помощью языка или штампуемое устройство культуры» и «ненаследственная память о культуре как социальном явлении»; «культура как структурность, делающая возможной социальную жизнь»; «кодирование структурности с помощью знаков»; «культура как программа поведения»; «человек как получатель информации». Итак, модель устанавливает информационный механизм самоорганизации семиотических форм в социокультурных системах.

Во-вторых, структура модели отражает воздействие каждой стадии семиотической динамики на «человека как получателя информации». Траектории воздействий были выявлены на основе установленных корреспонденций между механизмами каждой стадии информационного процесса, свойствами информации и семиотическими результатами перечисленных стадий информационного процесса. Корреспонденции в модели соответствуют траекториям воздействий системных функций культуры: нормативной, вербальной и компенсаторной, прогностической, критической и адаптивной. Изначально модель разрабатывалась для способа упорядочения всего спектра исследовательских направлений социокультурных систем, в котором каждое гуманитарное направление акцентировало отдельную связь между блоками этой модели. В наглядности графического изображения модели [10, с. 49–51] становится очевидным, что траектория нормативной функции соответствует интенциям онтологического поворота, траектория вербальной функции – лингвистическому повороту, траектория прогностической функции на стадии трансляции информации – медиальному повороту, траектория критической функции на стадии создания символа как оператора социального действия – иконическому повороту, а адаптивная функция, заложенная в воздействиях множественности программ поведения человека, – антропологическому повороту. При этом траектории своего поворота «не находят» воздействие компенсаторной функции, раскрывающей влияние «ненаследственной памяти» культуры.

В философии существует традиция так называемых *metagogy study*, но предпринятые поиски совершения философией соответствующего поворота – *metagogy turn* – не дали результатов. Вместе с тем исследования трансформаций культуры, происходящих на рубеже XX и XXI вв., акцентируют критическое состояние разрыва между социокультурной устремленностью в будущее, деформациями действительности информационного об-

щества в настоящем и культурным наследием, хранимым в памяти человечества. В этих исследованиях с большой убедительностью обосновывают [13–15] необходимость нового уровня философской актуализации ситуации, в которой становятся не востребованными ценности культуры, хранимые в ее памяти, и опыт старших поколений уже не предлагает способов адаптации к постоянно изменяемой действительности.

Появление биоэтики, в которой философия обнаруживает поле приложения своих усилий [16–21], соответствует симптомам, диагностирующим повороты. Особое значение имеет доказательство того, что биоэтика стала формой культуры, защищающей индивидуальность перед натиском беспрецедентных возможностей биотехнологий по конструированию человеком самого себя [22]. Отмеченное значение биоэтики является ясным выражением действия компенсаторной функции культуры, позволяющей человеку обрести «нить Ариадны» для возвращения к самому себе в той действительности, которая подчинена всеобщей устремленностью в будущее. Наряду с биоэтикой в непрерывном образовании, также подчиненном требованиям будущего, необходима форма, защищающая уникальность индивидуальности в стандартизации «профессионального лица».

Таким образом, технологизация современной нам действительности, порождающая шлейф проблем, связанных с унификацией индивидуальности, актуализирует исследования компенсаторной функции. Проявление этой функции далеко от очевидности, поскольку устанавливает связи с прошлым, т. е. с тем, чего уже нет, и с будущим – чего еще нет. Отсутствие очевидности делает сложным и решение задачи для верификации результатов исследований компенсаторной функции, поскольку предметом исследования становится интенциональная деятельность людей, а, следовательно, в нем отсутствуют возможности прямых наблюдений, что нуждается в нестандартной логике для обоснования достоверности получаемых выводов [23].

Все представленные аргументы позволяют диагностировать формирование *metagogy turn* как нового тренда философских исследований и установить конкретную траекторию для поворота на основе концептуальной модели, раскрывающей информационные механизмы семиотической динамики социокультурных систем. Траектория *metagogy turn*, впервые установленная в данной статье, проходит через проблемные области биоэтики и непрерывного профессионального образования, что подтверждает необходимость теперь уже осознанного совершения этого поворота.

Список литературы

1. Исигуро К. Остаток дня / пер. с англ. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2009. 336 с.
2. Жукова Е. А. Hi-Hume: динамика образовательных границ // Высшее образование в России. 2009. № 10. С. 92–96.
3. Parsons T. Social systems and the evolution of action theory. N.-Y.: Free Press, 1977. P. 177–203. Цитируется по: Луман Н. Введение в системную теорию / пер. с нем. М.: Изд-во «Логос», 2007. С. 27–41.
4. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Изд-во «Классика – XXI», 2007. 432 с.
5. Мелик-Гайказян И. В. Утопия и образование: постановка проблемы // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2007. Вып. 7. С. 156–158.
6. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
7. Савчук В. Что значит метафора поворота философии? Статья размещена 23.03.2011. URL: <http://o-karina.livejournal.com/15458.html>
8. Акофф Р., Гринберг Д. Преобразование образования / пер. с англ. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 196 с.
9. Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / пер. с англ. Томск: Изд-во ТУСУР, 2010. 238 с.
10. Мелик-Гайказян И. В. Концептуальная модель диагностики технологий информационного общества // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 5. С. 42–51.
11. Мелик-Гайказян И. В., Роготнева Е. Н. Аксиология моделирования образовательных систем. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. 188 с.
12. Лотман М. Ю., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Избр. статьи: в 3 т. / Ю. М. Лотман. Таллин: Александра, 1993. Т. 3. С. 326–344.
13. Миронов В. В. Глобальное коммуникационное пространство как фактор трансформации // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 27–43.
14. Юдин Б. Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т. 4, № 5.
15. Гиренок Ф. И. Антропологическая катастрофа: эл. ресурс. URL: <http://religion.russ.ru/society/20020125-girenok.html>
16. Юдин Б. Г. О человеке, его природе и будущем // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 16–28.
17. Юдин Б. Г. Основные этические принципы биоэтики и биоправа // Там же. 2003. С. 80–83.
18. Юдин Б. Г. Социальная институционализация биоэтики // Биоэтика: проблемы и перспективы. М.: ИФ РАН, 1992. 209 с.
19. Тищенко П. Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М.: ИФРАН, 2001. 177 с.
20. Тищенко П. Д. О множественности моральных позиций в биоэтике // Человек. 2008. № 1. С. 82–91.
21. Тищенко П. Д. Аннотация к спецкурсу «Биоэтика (философские основания)». URL: http://www.philos.msu.ru/fac/dep/edu/courses/anthrop/4k_4.html
22. Мещерякова Т. В. Биоэтика как форма защиты индивидуальности в современной культуре // Высшее образование в России. 2009. № 10. С. 94–99.
23. Финн В. К., Хвостова К. В. Теоретические, методологические и логические проблемы исторического познания // Проблемы исторического познания. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 5–16.

Мелик-Гайказян И. В., доктор философских наук, профессор.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: melik-irina@yandex1.ru

Материал поступил в редакцию 28.03.2012.

I. V. Melik-Gaykazyan

DIAGNOSIS OF MEMORY-TURN OR BIOETHICS MEASUREMENT PROBLEMS OF VOCATIONAL EDUCATION

Application of a conceptual model of information-synergetic approach to determine the reasons for the formation of anthropological bioethics reveals the new trend of philosophical studies – the memory-turn. Combining research positions – Identify memory-turn based on the interpretation of the information mechanisms of sociocultural dynamics (I. V. Melik-Gaykazyan), and an understanding of bioethics as a form of protection of identity in contemporary culture (T. V. Meshcheryakova) – allows you to discover a contradiction in continuing professional education between the inevitable standardization of the individual and the requirements of the personality meet the criteria of creative class. The paper presents some results of the project RFBR № 10–06–00313 “Attractive Management: Methodological Principles of Managing Complex Systems' Dynamics”.

Key words: *memory-turn, knowledge society, creative class, educational systems, educational aims, bioethics, individuality, professional education, borders of education, education technologies, educational environment, borders, models and stages of information process, diagnostics of educational technologies.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: melik-irina@yandex1.ru